

Морской бриз налетал порывами, принося с собой солоноватый запах соли; он оведал лица обоих, оставляя на коже колкую прохладу.

Ли Ле не спешил с ответом. Привычная усмешка исчезла; теперь он смотрел на Цзян Жуцзина спокойно и отстраненно. Ветер ерошил мягкие пряди волос у его висков, придавая облику необъяснимую суровость и налет неизбывной тоски.

Видя это молчание, Цзян Жуцзин почувствовал, как сердце камнем ухнуло в бездну. Он моргнул и, отвернувшись, устремил взор на бескрайнюю морскую гладь, лишь бы не видеть того, кто стал в миг таким знакомым и одновременно бесконечно чужим.

— Неужели... не было ни тени сомнения? — тихо спросил он.

Ветер внезапно усилился, заставив его тонкие одежды яростно затрепетать. Это было единственное, что Жуцзин действительно жаждал узнать. Он надеялся услышать, что тот действовал против воли, что у него были причины, что он наносил роковой удар, разрываясь от боли.

Но ответа он так и не дождался. Ли Ле не стал отвечать прямо; он просто встал рядом, вглядываясь в горизонт.

— Посмотри на этот мир, — заговорил он негромко. — Весь он — огромная мясорубка. Все эти люди... они отдают молодость, годы и сами жизни «Боевым искусствам». В них нет человечности, они не знают иных радостей, никогда не жалуются на усталость. Им и в голову не придет заняться чем-то другим, у них нет мечтаний.

Ли Ле бросил на него мимолетный взгляд:

— Что ты думаешь о них? Об этих людях?

— О них? — Цзян Жуцзин все еще говорил глухо. Вспомнив Гу Фэя, он горько усмехнулся. — Стадо ничтожных муравьев, не знающих ничего, кроме насилия.

— Ты наверняка презираешь их, считая существами без проблеска мысли, — Ли Ле едва заметно улыбнулся, словно заранее предугадав эти слова, и покачал головой. — Ты — гордость Школы меча Цзюньтянь, последний ученик Непорочного Бессмертного. С самого детства ты блистал талантом, твое сердце Дао было кристально чистым, не ведающим ни мирских соблазнов, ни великих потрясений. Ты свободен и беспечен, рожден на вершине мира Тяньюань. Твой дух крепок, и потому тебе так легко презирать тех, кто вынужден вести жалкую борьбу за существование.

Цзян Жуцзин замер, не ожидая подобного откровения. Ли Ле протянул руку, закрывая ему глаза, и одновременно заблокировал его божественное чувство, лишая способности

воспринимать мир извне.

— Твое превосходство ослепило тебя. Оно сделало тебя таким же, как те, кого ты презираешь. Ты так же свято веришь в насилие, считая его лучшим выходом из любой ситуации. Ты уверен, что грубая мощь позволит тебе победить во всем. Но ты не видишь облика слабых — потому что слишком силен. Ты не слышишь их голосов — потому что бездушен.

Ли Ле понизил голос до шепота, обжигающего слух:

— «Высшая страсть сродни бесстрастию». Ты всерьез веришь, что идешь по Пути Чувств? На мой взгляд, между тобой и этими «муравьями» нет никакой разницы.

Цзян Жуцзин побледнел.

— Сначала ты уничтожил Гу Фэя, а теперь пришел за мной, — процедил он, чувствуя, как внутри закипает буря. Он остро ощутил, что слова Ли Ле бьют в самую цель, расшатывая основы его Дао. — Мое сердце Дао и так уже обратилось в прах, тебе ни к чему эти лишние усилия.

Жуцзин не видел, как Ли Ле едва заметно улыбнулся.

— Думаешь, у них был выбор?

— Что? — Жуцзин опешил.

— Такова воля этого мира. То, что они родились здесь — предрешено. Презирая их, задумывался ли ты хоть раз: была ли у них иная возможность?

Заметив, что собеседник вздрогнул, Ли Ле саркастично добавил:

— «Великий Даоцзунь Жуцзин, преисполненный чувств»... Твой Путь чувств не стоит и ломаного гроша. Да, ты можешь спасти слабого, но это лишь высокомерная милость. Ты можешь холодно пройти мимо, и это будет лишь порывом души. Посмотрите, какой благородный и порывистый человек! — в его тоне прорезались пугающие нотки.

— Да! — не выдержав, огрызнулся Жуцзин. — Мне просто так нравится. Тебе-то какое дело?

Ли Ле убрал руку и вернул ему контроль над чувствами. Цзян Жуцзин увидел, что Ли Ле снова стал прежним — человеком с вечно смеющимися глазами. Он выглядел почти довольным.

— Вот, теперь ты говоришь правильно, — одобрительно кивнул Ли Ле. — Я обманывал тебя,

мешал твоему возвышению, сошелся с тобой в смертельной схватке прямо во время грозового бедствия... Я убил тебя и причинил тебе вред только потому, что мне так захотелось! И даже если я стал тебе помехой, тебе остается только смириться!

Цзян Жуцзин медленно сжал кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони. Он пристально посмотрел на Ли Ле, голос его прозвучал хрипло:

— Ты много раз спасал меня. Сколько жутких мест, неведомых земель мы прошли... В битвах света и тьмы ты принимал на себя удары, предназначенные мне, истекал кровью, несколько раз был на волосок от смерти... Я все это помню. Даже то, что случилось в грозовом бедствии... я принял бы. Но ты не должен был говорить мне, что ты и есть Ли Ле. Не должен был приходить ко мне, творить все это и говорить такие слова.

Он глубоко вдохнул, словно пытаясь вытолкнуть из легких тяжесть.

— С этого дня между нами всё кончено. Отныне и до самой смерти — мы враги.

Ли Ле посмотрел на него и вдруг расхохотался. В его смехе сквозило полное безразличие.

— Хорошо, хорошо. Непримируемая вражда до самого конца.

Его левая рука, спрятанная за спиной, мелко дрожала от возбуждения. Пальцы то судорожно сжимались в кулак, то расслаблялись — в этом ритме было нечто пугающее. Голос стал странным, вибрирующим от затаенного ужаса:

— Постарайся... запомнить это получше! Не на жизнь, а на смерть. До скончания времен...

Последние слова он произнес почти шепотом, так тихо, что Жуцзин, стоя совсем рядом, не смог их разобрать.

Полтора месяца спустя на море разыгрался шторм. Яростные раскаты грома и бесконечные росчерки молний, озаряющие небо, вызвали у Цзян Жуцзина пугающее чувство дежавю — всё было точь-в-точь как в тот роковой день.

На палубе царил хаос: люди кричали и метались в поисках спасения, кто-то пытался унять панику и найти выход.

Ли Ле же улыбался — тихо и умиротворенно.

— Даоцзунь Жуцзин, — проговорил он. — Мое время в этом мире истекло.

Жуцзин не успел осознать смысл этих слов, как почувствовал, что его подбрасывает высоко вверх. Последнее, что он увидел — как обезглавленное тело на палубе медленно превращается в корень цветка Айлань. И еще он увидел того человека: тот снял шляпу и, задрав голову, смотрел прямо на него. Он беззвучно произнес: «Найди меня».

Последним, что он увидел, было юное, полное жизни лицо Гу Фэя. А затем Жуцзин погрузился в пучину боли. Грохот тысяч молний обрушился на него, и обломок меча Даочжэнь пронзил тело насквозь, принося с собой леденящую пустоту.

Среди бушующего шторма Ли Ле медленно подошел к лежащему на досках корню цветка Айлань. Он наклонился, бережно поднял его и легко поцеловал. А затем, без малейшего сожаления, швырнул его в бушующее море.

Он странствовал сквозь бесчисленные миры, разрушая судьбы и стирая само время. Когда Жуцзин спросил его о сомнениях, он не смог ответить. Он был слишком умен и расчетлив, он всегда запрещал себе думать о лишнем.

Единственное, чего он не мог себе позволить — это колебаться. Никогда не сомневаться, никогда не останавливаться, чтобы взвесить добро и зло. Никогда не отдыхать, не позволяя себе нежиться в тепле или дрожать от холода.

— Даоцзунь Жуцзин, ты обязательно должен меня найти, — прошептал он, и его силуэт среди ливня обратился в поток света, устремившийся к бесконечным небесам.

Три года и пять месяцев спустя.

Гу Фэй стоял на самой большой арене мира, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Вокруг него бушевал океан зрительских криков и неистового рева.

Никто — даже те, кто знал его прежде — не мог и предположить, что боец с ничем не примечательного острова №114 сумеет пробиться в финал Всемирного конгресса боевых искусств.

Когда-то он дрожал от страха, пытаясь украдкой подсмотреть чужой прием. Когда-то он до безумия радовался крохотной победе. Его втоптывали в грязь, он терял друзей в жестоких схватках. Он прошел через такой ужас, что едва не лишился способности призывать свое оружие.

Теперь же он был силен и могуч. Один его вид внушал трепет, он казался неприступной горой. У его пояса висели два иссиня-черных Кинжала Мясника, от которых веяло самой смертью. Он ждал своего последнего боя.

Нин Лань холодно и отрешенно наблюдала за ним с трибун. Сидящий рядом Мастер Мулунь со вздохом произнес:

— Кто бы мог подумать... этот парень, этот Гу Фэй, смог подняться так высоко.

Нин Лань лишь горько усмехнулась:

— А как же иначе? Убийца отца и брата — разве он может быть слабым?

Два года назад на одном из островов Гу Фэй вырезал сотню воинов, чтобы завладеть Кинжалами Мясника. Среди убитых был и Гу Циньфэн. Полгода назад в Битве двух островов на острове Расщепленного Кита он собственной рукой пронзил сердце Гу Яня. Когда тот упал, какая-то красивая, хрупкая девушка бросилась к его телу, заходясь в рыданиях.

С того дня Нин Лань не проронила ни слова в адрес Гу Фэя. Это больше не был тот юноша, которого она знала.

Однажды она заметила, что он утратил доброту. Позже она поняла, что он перестал ценить дружбу. А затем исчезли и чувства к родным. Наконец, настал день, когда он больше не вспоминал о Цзян Жуцзине.

Теперь Гу Фэй стал совершенным бойцом — в нем не было ничего человеческого. Он оставался холодным, лишь едва теплее тех жутких клинков на поясе.

Гу Фэй одержал закономерную победу. В день своего двадцатиоднолетия он стал Королем боевых искусств Мира темных боевых искусств. Весь мир рукоплескал ему. Такова была цена, которую он заплатил, отдав взамен все свои чувства, включая саму страсть к сражениям.

Он спокойно принял почести, отказался от праздничного банкета и в одиночестве вернулся в свои покои. В комнате царил легкий беспорядок, и он принялся за уборку. Когда он поднял свой рюкзак, из потайного шва что-то выпало и, негромко стукнув, покатилося по полу.

Гу Фэй замер. Медленно, словно в трансе, он подошел и поднял упавший предмет.

Это была простая заколка для волос, сплетенная из древесных веток — изящная и строгая. Точно такую же когда-то носила его мать. От нее исходило едва уловимое, мягкое тепло.

— Цзян...?

— Цзян Жуцзин?

Он вдруг произнес это имя, которое не тревожило его слух целую вечность.

— Почему ты так и не пришел? Куда он тебя увёл? Я ищу и не могу найти...

Он осторожно прижал к сердцу этот подарок, который так и не успел вручить.

Внезапно он обернулся к изящному Фонарю желаний, стоявшему в углу. Он больше ничего не чувствовал: ни радости, ни боли, ни надежды, ни даже пустоты.

Он в последний раз загадал желание:

«Позволь мне увидеть его еще раз. Я просто хочу отдать ему этот подарок».

<http://bllate.org/book/17530/1703684>